

Владимир БРЕДНЕВ*г. Челябинск*

Хороший учежник

рассказ

В девяносто пятом Виктору Баеву было двадцать два года, он был старшим лейтенантом Н-ской воздушно-десантной штурмовой бригады сто одиннадцатого Н-ского воздушно-десантного полка. Форма на Викторе сидела как влитая. Жена по утрам поправляла берет, целовала в щеку и говорила: «Красавец!»

В первых числах января девяносто шестого, когда Виктор со своей ротой вырвался из окружения «чехов», в изодранном, прожженном камуфляже стоял перед толстым, красномордым полковником из центра, он тоже услышал: «Красавец!» Какую струну задело это слово в душе Виктора, он тогда своему командиру объяснить не мог. Только полковника сдернуло с грешной земли и отбросило на ящики, опрокинуло на пол. Адьютант схватился за пистолет. Боевые офицеры замерли по стойке «смирно». Полковник вскочил, орал, подбитый глаз трогал рукой и орал еще громче, до визга: «Под трибунал!!!» Что оставалось полковому командиру делать?.. Брать тут же в палатке лейтенанта под арест.

Но трибунала не было. Полковник улучил момент, когда в городе наступило затишье, забрал с собой адъютанта, документы, какие успел написать, сел в «УАЗ». И тут откуда-то ухнул выстрел, прогудел над позициями «Шмель» и поднял «уазик» на воздух. От полковника только один погон нашли. Баева еще день подержали в кутузке, а потом выгнали на передовую, с глаз долой.

Через какое-то время Виктор заметил, что с удовольствием делает свое дело. Нет, не просто командует, а командует там, где война. Почти каждый выход штурмовой группы — это бой. Бой ближний, когда не абы как и абы в кого, а лицом к лицу. Садит лейтенант штык-нож в мягкое податливое тело, под вздох, боевику, и ни один мускул на лице не дрогнет, бросает финку — с оттяжкой, порой на спор, между лопаток, бьет из «калашников» — в голову, чтобы мозги по стенке. А на привале ест хорошо, тошнотой не мается, спит отменно — без снов.

Получил отпуск, поехал в родной город, где вся родня сбросилась и купила жене и ребенку квартирку. Из смрада войны — да в красивую жизнь. В городе какие-то другие понятия. Люди другие, воздух другой, ночи другие. На войне все предвзяло, как вернется, как в дверь позвонит, как ему его родная благоверная откроет, к груди припадет, слезу смахнет. Еще до войны в книжках об этом читал, в кино видел. Пришел, а дома нет никого. Сел на ступени. Люди идут, сторонятся. Ни «кто ты?», ни «здравствуйте!». Отворачиваются и мимо проходят. К вечеру благоверная вернулась. Застыла на нижней площадке.

— Дочка где?

— К маме отправила. Завтра съезжу.

Пока мылся в ванной, жена сутилась, бегала по кухне, сковородой гремела. Запахи, чад, вино на столе. Только садись, солдат милый, к столу, пей чарку, закусывай домашним да ступай почивать в горницу, дожидай жену. Нет ведь. Взыграло. Схватил, смял, содрал все, что под юбкой было, опрокинул на стол. Потом стало тошно, стыдно и больно.

Всю боль в вине утопил. Проснулся утром, а жены уже нет. На тех же ступенях дочку увидел. Поднял над собой, прижал покрепче, опустил на каменный пол, к матери подтолкнул. Жена стоит, слова не говорит. Думал, узнает, что он снова на войну поехал, запричитает, к ногамкинется, держать станет, а она спросила: «Уходишь?»

И он соврал, что от военкома посыльный был — срочно ехать надо. Соврал и уехал. Пока поезд до Моздока шел, Виктор пил. Сидел в купе, доставал из вещмешка бутылку водки и в пять приемов выпивал. Потом отворачивался к окну и молча смотрел, как тянется за окном сначала бесконечный лес, потом ровная, без края, степь, потом должны были быть горы, но за окном к тому времени стояла непроглядная ночь.

Был еще год. Генералы войну проигрывали, а капитан Виктор Баев не хотел проигрывать своих маленьких сражений. И не проигрывал. Вытащил он как-то из-под «Урала», перевернувшегося на легком фугасе, мужика лет шестидесяти, шофера. И тот оказался русским. Жил с боевиками, жратву им возил, боеприпасы, иногда самих переправлял куда скажут. Но это

потом Виктор узнал. А сначала приволок несчастного на свой пост, спирту в рот влил, чтобы в чувство пришел, санинструктора заставил царапины промыть, раны перевязать. Ночью шофер в себя пришел, спасибо сказал. А потом шепотом, чтобы ребят спящих не разбудить, повелал Баеву самое главное:

— Никогда им не верь. Они договариваются только между собой. С тобой — никогда. Или только в том случае, когда силу почувствуют. Сегодня ты для них враг. Гостя обидеть грех, врага убить — вечная слава. Так что, если на одной тропе он и ты, в твоих руках автомат, а в его — посох, стреляй первым. Поаккуратней! Тебя все равно должны сгрызть бродячие собаки. Чем чаще ты будешь нажимать на курок первым, тем позднее это произойдет.

— Ты, мужик, головой ударился, видать?

— Я с ними всю жизнь прожил, вот до этой минуты с ними прожил, — дальше шофер повелал о боевиках, выездах, подорванных федералах.

— Ты же русский! — В Баеве бушевал смерч.

Рука давно ухватила рукоять боевого ножа, вложенного в ножны, вшитые на штанину по щиколотке — только выдернуть и воткнуть в глотку, чтобы заткнулся. А потом и дел-то — свалить за блок-постом.

— Это фамилия у меня русская. А жизнь вся с ними. Правильная у них жизнь. Понял! Без сомнений. Сказано: «Вот так!» — и кочевряжиться не надо.

Шофер вытянул из штанины осколочную гранату, ухватился за кольцо.

При виде гранаты человек всегда столбенеет или с ума сходит — Баев знал. Мальчишки приходили из плена помешанные. Им в руку вкладывали гранату, вырывали чеку, руку совали в штаны и перепоясывали. Устанут пальцы, разожмется рука, скобка на запале отлетит — и всё! Всё! А мальчишки боялись, что не смогут с девочками дружить...

Не зря нож при Баеве был. Не успел шофер чеку вырвать. Так и остался лежать. В одной руке граната, палец другой — в кольце, а в грудь, там, где сердце, нож воткнут, и рукоять — крестиком. Те, кто первый раз в командировку приехал, утром сами чуть с ума не походили. А Баев сидел за столом, сколоченным из крышек

снарядных ящиков, смотрел на повара и громко спрашивал: «Котлеты сегодня кто-нибудь есть будет? Ну и хрен с вами. Клади еще!»

С тех пор Баев нажимал на спусковой крючок первым. Ни сердце, ни мозг не маялись сомнением, что перед стволом автомата были живые люди. Виктор убивал методично и сноровисто, как когда-то бойщик дядя Лай бил несчастных коров. Иногда Виктор вспоминал эту картину из далекого детства. Родители получили новую квартиру. На девятом этаже. И плевать им было, что балкон и окно детской комнаты выходили на территорию колбасного завода с полным циклом переработки. Однажды Витька вернулся из школы и услышал мычание коров. В городе. Он выскочил на балкон. Крошечный человечек загонял корову в какую-то тесную клетку, заходил в нее сам. Корова взревывала и падала, подгибая передние ноги. Человечек что-то вытирал тряпицей и выходил, а корову за задние ноги уже поднимал кран, чтобы тащить по воздуху в серебристый ангар. На другой день Витька уже нашел дырку в заборе и пришел к человечку. Лицо у него было точно таким же, какие рисуют в учебниках истории к рассказам о монгольских захватчиках. На голове аккуратная шапочка, но не араччинка, в которых любили ходить люди с овощного базара. Поверх черной рубашки телогрейка, но тоже не такая, как у дедков из деревни. Штаны черные, а туфли серые, из туфель на штанину ткань намотана, как у киношных красноармейцев времен Гражданской войны.

Витька сказал, что его зовут Витькой и что он из этого дома.

Человечек ответил:

– Лай. Дядя Лай.

Потом спросил:

– Уцитца плишол? – и добавил. – Уцитца нада халашо. Смелть должна быть лехкой.

Еще Виктор помнил, что он всю ночь не мог уснуть. Перед ним стояли огромные синие коровьи глаза, которые только что блестели живым блеском, а потом вдруг останавливались и делались мутными. И он хотел отомстить за эти глаза дяде Лаю. Но не знал как. Наверное, в десантное училище пошел только из-за того, чтобы можно было наказать обидчика каким-

нибудь таким приемом, который сразу показывал, кто есть кто.

Всю первую войну Баев обходился без приемов. Автомат лучше расставлял точки над «i».

Когда генералы войну все-таки свернули и принялись оттирать свои мундиры от копоти, слез, крови и собственных соплей, Виктор не поехал домой, а написал рапорт, чтобы его перевели на военную базу, поближе к «духам», или дали возможность попасть в ограниченный контингент миротворческих сил в Югославии.

Но командование полистало документы, спросило о семейном положении и отправило служить в учебный батальон. По прибытии на место Виктор узрел, что военная база новых Вооруженных сил Российской Федерации только начала свое существование, огорожившись по периметру рядами колючей проволоки и воздвигнув в дальнем углу три «коровника» – казармы для рядового состава, офицеров и штабной корпус. Присутствие супруги на базе не предусматривалось.

Потом от матери пришло письмо. Про свое здоровье и жизнь она написала пару предложений, все остальные были посвящены мучениям снохи, сиротинушки-дочки и еще кого-то третьего, скакавшего, мельтешившего среди строк. Первым порывом было сейчас же написать рапорт и выпросить у начальника части несколько суток отпуска. Но вечером, сидя за общим столом еще с несколькими офицерами, Виктор вдруг отчетливо понял, что ехать домой – значит, ехать в тюрьму. Там, дома, «Шмеля» под рукой не будет. Значит, его посадят за убийство кого-то третьего, кто так и не открылся между строк материнского письма. И он недрогнувшей рукой написал: «Мам, передай Ленке: пусть подает на развод. Не склеилось!» От матери письма не последовало, а в штаб пришли официальные бумаги, которые Баев подписал и выслал назад. Заместитель командира части по воспитательной работе вызвал Баева в кабинет:

– Хреново, товарищ капитан, с моральным духом. На представление, понимаешь, не рассчитывай.

Баев кивнул, спросил разрешения идти.

– А бордель из части я устраивать не позволяю, – он подумал, чем бы закончить воспита-

тельное мероприятие, и добавил: — Давно бы в майорах ходил!

— Не имел возможности, — гаркнул Виктор и спросил: — Разрешите идти?

— Еще десантник, — возмутился подполковник и махнул рукой — иди, мол.

Когда объявили, что террористов будут мочить в сортире, многие офицеры закручинились. Военные понимали, что новой войны не избежать. А Баев обрадовался. Искренне.

В первый день он собрал бойцов своей роты — десантников второго года службы.

Бравые парни с татуировками на плече поприветствовали нового командира, а когда он разрешил сесть, расположились вальяжно, всем видом показывая, мол, многих видали, что ты, капитан, скажешь.

— Первое, бойцы, что запомним навечно: дедов и салаг здесь нет! Стираем сами, подшиваемся сами, сортиры драить придется — тоже сами. За первую провинность наказываю, во второй раз учу салагу: пуля-дура, а тут война!

Парни примолкли. Уж на что в элитных частях отцы-командиры были суровы, но такого даже они себе не позволяли. Сначала подумалось — пугает. Но отсутствие напускной суровости на лице и ясный взгляд давали понять, что капитан обо всем говорит серьезно.

— Второе: на заданиях сопли не жевать. Чужому на земле не место. Человеколюбие оставьте для родных и близких.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?

— Валяй, старший сержант!

— А если он мирный?

Баев выдержал паузу.

— Для глухих и непонятливых: во время задания чужому на земле не место, иначе на вас напишут цифру двести и вы никогда ничего у меня больше не спросите. Завтра со мной пойдут только те, кто сегодня будет хорошо спать. А сейчас выйти, построиться.

Рота выскочила из палатки и выстроилась. С гор в долину сползли сумерки, в которых легко угадывались предметы, но признаки их были совершенно неразличимы. Из палатки вышел капитан, снял с плеча автомат, передернул затвор, развернулся в сторону импровизированного забора из колючки. Солдаты разом посмотрели туда. У одного из столбов маячила неясная

фигура. В сторону этой фигуры ушла чередя трассирующих пуль. И каждый видел, как огненные иглы рвали что-то, очень похожее на привязанного к столбу человека.

— А теперь отбой! — скомандовал Баев.

Закинул автомат за плечо и пошел в сторону штаба.

Бойцы стояли в строю. Над строем висела зловещая тишина. Виктор обернулся:

— Бойцы, я дал команду. Отбой! Выполнять!

В три часа ночи он вошел в палатку и тихо проговорил: «Подъем!» Большая половина десантников вскочила и стала поспешно одеваться. Среди них был и старший сержант, задававший Баеву вопрос. Построив личный состав перед палаткой, капитан вызвал сержанта.

— Товарищ старший сержант, в отсутствие вышестоящего командира принимаете командование на себя. На северном направлении между третьим и пятым пулеметными гнездами ваша группа к шести часам утра должна отрыть окопы полного профиля с ходами сообщения на выдвижные позиции фланговых пулеметных расчетов. Выполняйте!

Парни рыли окопы в каменистом грунте и проклинали Баева.

В полдень вторая часть роты в полном боевом снаряжении ушла в зеленку. Баев хорошо помнил этот страшный выход. Около одного из небольших горных сел они наткнулись на неубранную растяжку. К саклям выползли по-змеиному. Виктор долго рассматривал селение в бинокль. У домов ходили женщины, одетые в черное, развешивали белье, кормили кур, носили воду. На улице стояли несколько молодых девушек и о чем-то беседовали. На стволе старого дерева сидели аксакалы, вокруг бегала малышня. И вдруг глаз споткнулся. Виктор сначала не понял, что же такое выбивалось из общей картины горного селения. На выступе каменной ограды стояла раскрытая банка тушенки и серебрилась в лучах предвечернего солнца. Горцы тушенку не ели — это Виктор знал точно.

В долину вело несколько горных троп. В долине были нефтепровод, высоковольтная ЛЭП, мост через ущелье и начало серпантина, в долине было село, в котором спокойно чувствовали себя федералы — пацанята из мостострелковой части, выполнявшие функции

гарнизона и охранявшие два блок-поста перед входом на серпантин. Боевиков нужно было обнаруживать и завязывать бой, вызывая подмогу. Но где их искать?

Баев взял двух бойцов и пошел в село. На окраине они присмотрелись к дому, прошмыгнули в ограду и оказались на пороге горного жилища. Баев пристегнул штык-нож к автомату и занес оружие над мужчиной средних лет, за спиной которого стояли три девочки школьного возраста, жена и мальчик-подросток. У мужчины побелело лицо, но он не пошевелился и не произнес ни слова. Девочки плакали. Плакала жена, но беззвучно. Не выдержал мальчик. Он выскочил из-за спины отца и схватился за руку Баева.

Бравые десантники стояли бледные как полотно.

— Дорогу покажешь.

Мальчик кивнул.

Баев, десантники, мальчик были в ограде, когда на крыльце дома появился отец. Старое охотничье ружье прогремело двумя выстрелами. Капитан видел, как волчья дробь бьет мальчишке в спину, видел, как ошалевшие десантники валяются в пыль и жмут спусковые крючки, видел, как пули колют старые камни, щепят вековое дерево, рвут одежду и тело горца. По селению уже разносится истошный крик женщин.

Они уходят из двора. Бегут по тропе в зеленку. И когда за деревьями пропадает селение, бойцы грохаются на колени. Бесшабашность стерлась. Скулы свело. Мощные красивые тела содрогаются в рвотных порывах. Корежит мужиков по черному. Виктор стоит у дерева, переживает. Потом достает свою флягу, бросает одному:

— Глотни, помогает.

Во фляге у Баева коньяк. Глотнули. Оклемались.

Потом группа «на рысях» шла к серпантину. Они первыми услышали боевиков. Залегли. Отдышались. Баев отдал приказ: «Пленных не брать!» Под перекрестным огнем за пять минут полегли все горцы.

Баев вернул группу в лагерь.

Между выходами гонял храбрых десантников до седьмого пота. Хвалил Ракова и Горбунова за умелые действия в боевых условиях, открывших счет уничтоженным боевикам. Бойцы целыми днями кололи, резали, выслеживали,

стреляли. И все это доводилось до остервенелого автоматизма.

Как-то вечером к капитану подсел полковник. Он был из штаба, но рожи не раскормил, брюха не отвесил и сам часто ходил с бойцами на боевые операции. Полковника уважали.

— Виктор, вот смотрю я на тебя и думаю, где ж ты так остервенел? Может, убили кого?

— Боже упаси, товарищ полковник.

— А что ж ты из ребят зверей делаешь?

— Чтобы их не убили. Мне в первую очередь мудрец здешний тайну открыл, как надо жить. Я так и живу, и живой. И пацанята живые... И мамки их не режут над могилками, не кланут ни меня, ни вас.

— Ты хоть раз подумал: вот вернутся они домой и что?

— Жить будут.

— Прямая дорога в бандиты. Их из школы да в твои руки. А они у тебя золотые. Из любого положения хоть из пистолета, хоть из автомата, хоть ножом.

— Думаете, на гражданке по-другому?

Полковник задумался.

— Там хоть выбор есть, — произнес он после некоторого молчания.

— И здесь есть. Но... Уцитца нада халашо. Смелть долзна быть лехкой.

— Это ты о чем?

— Кореец мне так сказал. Давно. Я в школу ходил, а он на бойне работал. Пленный. Еще с войны. Он у японцев служил, потом нашим сдался. И домой не вернулся. На бойне работал. Дядя Лай. Умер, наверное, уже.

— Тебе твои не снятся? — вдруг спросил полковник.

И Баев понял, что спрашивают его не об отце-матери, не о жене и дочке, спрашивают о тех, кого он лишил жизни.

— Бог миловал, товарищ полковник.

— Ты веришь?

Баев промолчал.

— А я верю. Искренне верю. Не показушно, как там, на большой земле. В церковь бегают, крестятся, иконы целуют, а потом... Вот тут у меня Бог, — полковник неопределенно взмахнул рукой. — И ночью он мне говорит: «За каждого ответишь!» Я потом думаю... Когда в Афган зеленым лейтенантом попал, за то время с

меня спрос невелик будет. Воин и есть воин. Клятвы не нарушал, а кого в землю положил — такова их судьба. У Булгакова в «Белой гвардии» про это замечательно написано: мол, все в одном месте будем — и белые, и красные, потому как воины. Только как же он распорядится-то? Сколько ж людского горя на мне теперь? — полковник вновь остановился, подумал, выдохнул: — Каждого искупление ждет.

Это было так давно. Но так отчетливо помнилось Баеву. Помнилось, что из десантников он сделал настоящих солдат, боеспособную единицу, те в свою очередь учили салажат, и самым большим ЧП в роте было боевое ранение.

На войне Виктору вручили орден, а следом он получил звание.

Из Моздока прикатил в парадной форме. И услышал, проходя мимо санбата: «Красавец!»

Завернул. Шел между молодыми девчонками и спрашивал: «Кто сказал «красавец»?» Санитарки показали на огромную палатку. Ворвался. И тут же напоролся на четкий, пресекающий всякое неповиновение голос.

— Марш отсюда!

— Так я красавец, — промямлил он.

— Красавец?! Тогда у палатки подождите, — за белым занавесом брякнули железяки.

Запричитал мужской голосок.

Через какое-то время из палатки вышла доктор.

— Красавец где?

— Я!

— Разве красавцы так берет носят? — доктор подошла и поправила головной убор.

Баев бросил чемодан и сграбастал женщину в объятия. Она не сопротивлялась. Он потянул в себя запах ее волос — пахло солнечным летним ромашковым полем. Поцеловать все-таки не решился. Отпустил.

— Что ж, красавец, теперь вы просто обязаны на мне жениться.

— Хорошо, товарищ военврач. Завтра схожу на боевые, а там и свадьба.

— Смотрите не передумайте.

За доктором вышел долговязый парень с марлевой маской на лице, пробурчал что-то. Женщина извинилась и ушла в палатку. Баев проследовал в расположение своей части. А вечером был в санбате. И ночь провел в кубри-

ке. Под утро она спала у него на груди. Красивая, желанная, родная. А он все дышал и дышал запахом ее волос.

Днем уже был в горах, ночью в бою.

В квадрат с трех сторон хлынули боевики. Группа уходила от остервеневших бандитов. И боец не исполнил баевского завета — встретил на тропе человека и пропустил. Первый раз боец был на задании, думал, не заметил его тот, кого он не стал убивать. И ошибся. Ночью по тропам люди не ходят. Группу пропустили. Выстрелили в Баева. Броник спас. Виктор был жив, но идти не мог. Поднимался с земли, и тут же сознание заволакивал черный туман. «Старики» смогли увести группу от преследования. Четыре дня тащили Баева зеленкой, пока не вышли в расположение мотострелковой дивизии.

В госпитале его кололи уколами, просвечивали аппаратами, цокали языками, успокаивали и, в конце концов, объявили, что более Виктору в армии делать нечего.

Войсковые, паевые, боевые — на них он купил себе квартиру в родном городе. И оказался совершенно один. Никому в этом городе он не был нужен. Пришел к родителям, постаревшим, поседевшим пенсионерам. Мать рассказывала про все болячки, потом несколько раз принималась плакать и говорить, что внучка совсем от них отстранилась. Раньше хоть письма писала или звонила. А теперь бабушке только: «Привет! Как дела? Ба, мне некогда!» Весь разговор.

Отец без перерыва смотрел в телевизор и ругал на чем свет стоит правителей, страну, артистов, телевизионщиков, олигархов и всех других пустозвонов, доведших все до точки.

Всё это как-то перемешалось, отошло и осталось в прошлом.

Баев (как бывало уже много-много раз) бархатным лоскутком протер объектив, прижал приклад к плечу, выдохнул, приложил глаз к резиночке оптического прицела.

«Сколько всего в памяти переберешь, пока дождешься», — рассеянно подумал он.

Было ему сейчас тридцать пять лет. И он, мучаясь сильными болями в спине, все-таки прилетел в чужой город, чтобы выполнить ту

работу, которую он умел делать очень хорошо. Господин в черном костюме, окруженный секьюрити, шел по коридору. Его несуразно большая голова мелькала за прозрачными пуленепробиваемыми витринами. Господин в черном костюме был магнатом и кандидатом. Именно кандидатство, по мнению Баева, и выписало ему черную мету. Бывший майор видел господина в черном костюме по телевизору, слышал его речи и даже несколько раз подумывал, что смерть у него будет легкой. Сам же майор на легкую смерть не рассчитывал: в родном городе ему сказали, что он опоздал с лечением лет на десять.

Виктор затаил дыхание и мягко нажал на спусковой крючок. Внизу у машин заматались люди. Охрана выхватила оружие, крутила головами. Сейчас примчится милиция, вывалят на площадь чины, начнут говорить в микрофоны, обещать и даже угрожать. Только кому? Баеву? Ему уже не страшны угрозы, он перестал их бояться в тот день, когда «Шмель» развернул «УАЗ». Страшит его тот ночной миг, когда вдруг приснятся ему все те, кого лишил он жизни.

Опираясь на костыли, из подъезда вышел седой мужчина с серым и усталым лицом. На пиджаке — орденские планки. Молоденький лейте-

нант милиции кое-как успел подхватить вдруг качнувшегося на ступенях ветерана. «Скорая помощь» умчала Баева в больницу. Он пришел в сознание от того, что на него кто-то пристально смотрел. Разлепил веки. Белое пятно халата, белое пятно колпака, лица совсем не разобрать. Пахнет чем-то не больничным. Ромашками пахнет, полем, ветром степным с горчинкой полыни. Желанным, родным. Бывают женщины ангелами? Наверное, нет.

У Баева вдруг потекли слезы. В углу образовалась дыра, и из дыры, из зияющей черноты к его глазам стали подплывать лица. Усатые, бородатые, губастые, носатые, потом холеные, сытые, розовощекие. Потом выплыл мальчик и спросил: «Баев, ты зачем отца убил?»

Тут же раздалось: «Уцитца нада халашо. Смелть долзна быть лехкой», — проговорил дядя Лай и резко свел углы палаты.

На мгновение сделалось страшно.

Майора Баева похоронили на родине. Администрация настояла на воинских почестях.

□

Владимир Николаевич БРЕДНЕВ —

журналист, краевед, прозаик.

Пишет для детей и взрослых.

Главный редактор детского журнала «Апельсинка».

Член Союза журналистов России.

Живет в Челябинске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

